

4. Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь. 1925 – 1938. – М., 1999.
5. Иоанн, митр. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. – СПб., 1995.
6. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – СПб., 1999.
7. Зінченко А.Л. Благовістія національного духу (Українська Церква на Поділлі в першій третині ХХ ст.). – К., 1993.
8. Митрополит Василь Липківський: матеріали до біографії / 3 фондів Центрального державного архіву вищих органів влади та управління / (упоряд. Л. Пилявець). – К., 1993.
9. Преловська І. ВПЦР – організаційний осередок УАПЦ (1917 – 1921 рр.) // Український церковно-визвольний рух і утворення української автокефальної православної церкви: Матеріали наук. конф. Київ, 12 жовт. 1996 р. – К., 1997. – С. 29 – 48.
10. Яненко З. Перші українські парафії на Полтавщині // Там само. – С. 107 – 111.
11. Національні меншості на Україні. (Реєстр селищ). – Харків, 1925. – С. 21 – 29.
12. Державний архів Запорізької області (далі – ДАЗО). – Ф.Р – 316. – Оп. 3. – Спр. 131. – Арк. 238.
13. Там само. – Спр. 31. – Арк. 76.
14. Там само. – Ф.Р – 526. – Оп.1. – Спр. 3. – Арк. 12.
15. Там само. – Ф.Р – 316. – Оп. 3. – Спр. 32. – Арк. 226.
16. Там само. – Ф.Р – 3409. – Оп. 2. – Спр. 7. – Арк. 218.
17. Там само. – Арк. 229.
18. Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь. 1925 – 1938. – М., 1999. – С. 65.
19. ДАЗО. – Ф.Р – 3414. – Оп. 1. – Спр.1. – Арк. 63.
20. Иоанн, митр. Указ соч. – С. 125.
21. Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 113.
22. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. – СПб., 1999. – С. 121.
23. Там само. – С. 122.
24. Цыпин В., прот. Указ. соч. – С. 200.
25. Митрофанов Г., свящ. Церковный геноцид в большевистской России: его итоги и христианское осмысление // Богословие после Освенцима и ГУЛАГА и отношение к евреям и иудаизму в Православной Церкви большевистской России. Материалы международной конференции, 26-29 мая 1997 г. Санкт-Петербург, Россия. – СПб., 1997. – С. 122.

Королёв В.И. ПЕРВЫЕ ШАГИ КРЫМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ: ТИПИЧНОЕ И ОСОБЕННОЕ

Актуальность исследования. Настоящее исследование диктуется появлением на политической арене современной Украины большого, можно сказать, чрезмерного количества партийно-политических объединений, возрождением и развитием в новых исторических условиях и в новом качестве нынешней социал-демократии в стране. Поэтому автор ставит своей *главной задачей* выделить некоторые отличительные черты ее «мужания» на региональном, крымском уровне в начале XX столетия. Этот опыт имеет не только историческую, но и практическую значимость.

Как и во всей Российской империи, возникновению с.-д. организаций в Крыму предшествовал двух-трех-летний период работы марксистских кружков. Первым из таковых был образован Вольфензоном в Симферополе в 1899 г. и объединял около десяти еврейских ремесленников и рабочих табачной фабрики. Спустя два года политический ссыльный, бывший студент Новороссийского университета М.С.Лурье создал «Симферопольский рабочий союз», состоявший из 10 кружков и насчитывавший около 50 членов. Лишь один кружок из них составляли русские рабочие (руководитель – В.А. Зборовский), остальные – представители еврейского народа. Вскоре подобные «Союзы» появились в Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Мелитополе [1].

К созданию губернской организации РСДРП крымские революционеры приступили в начале 1902 г., когда из Харькова прибыл уполномоченный ЦК партии А. Коган и начал переформлять крымские рабочие союзы в организации РСДРП. К примеру, во время перерегистрации к четырем членам комитета «Симферопольского рабочего союза» были доизбраны еще 7 новых: Ципа и Ханна Левины, Залман Циркин, «Соломон-портной» и «Залман-портной» (партийные клички) и др. Так образовался первый на полуострове городской комитет РСДРП. Процесс создания губернского объединения социал-демократов был приостановлен репрессиями осени 1902 г., но, быстро оправившись от них, с.-д. комитеты Севастополя, Симферополя, Керчи, Феодосии, Ялты и Мелитополя в апреле 1903 г. сумели объединиться в Крымский комитет РСДРП, который возглавил Мордхай Аронов [2].

По нашим изысканиям, накануне и в ходе революции 1905–1907 гг. организации РСДРП имелись в 17 городах и уездах губернии и насчитывали около 700 членов (Для сравнения: в украинских губерниях насчитывалось 38 тысяч членов РСДРП и УСДРП).

В предреволюционные годы шел процесс и оформления национальных социал-демократических организаций. Большую активность проявляли еврейские с.-д. партии. Подотделы Бунда появились в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Бердянске, Мелитополе, Перекопе, в рядах которых находилось не менее 250 членов (В Украине в рядах Бунда состояло 10 тыс. человек). Еще одна еврейская с.-д. партия – Поалей-Цион – имела свои организации в Симферополе, Севастополе, Феодосии, Орехове, Голой Пристані, Евпатории, Бердянске, Мелитополе и насчитывала около 300 членов. В 1905 г. обе партии создали свои губернские комитеты. Многие члены армянской партии Гнчак («Колокол») разделяли с.-д. взгляды и

ПЕРВЫЕ ШАГИ КРЫМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ:
ТИПИЧНОЕ И ОСОБЕННОЕ

объединились в организации в местах компактного проживания армянского населения – Симферополе, Севастополе, Феодосии, Ялте, Карасубазаре, Перекопе. Летом 1904 г. на крымской партийной конференции произошел раскол в рядах гнчакистов, из которых большая часть влилась в РСДРП, другая – в Дашнакцутюн. Заметим, что представители украинского и крымскотатарского народов входили в интернациональные по своему составу организации РСДРП, а самостоятельных партийных формирований ни до, ни в ходе революции не создавали [3].

Анализируя процесс партийного строительства в Крыму и Северной Таврии (Крым тогда административно входил в состав Таврической губернии), обращает на себя внимание факт высокой активности работы в рядах крымской социал-демократии представителей еврейского народа. Этому есть достаточное объяснение. Во-первых, до 1912 г. (времени размещения царской ливадийской резиденции) Крым был сельским краем, куда отправлялись под надзор полиции участники революционного движения из центральных регионов империи. Неслучайно, многие марксистские кружки, рабочие союзы и с.-д. организации края возглавлялись еврейскими интеллигентами, в большинстве своем бывшими студентами российских университетов. Во-вторых, евреи в стране были политически дискриминируемы и имели право проживания в местах пресловутой «черты оседлости», в число которых входила и Таврическая губерния. Именно еврейские социал-демократы, активисты партии Поалей-Цион организовали впервые в истории Крыма открытую политическую акцию – первомайское шествие по центральным улицам Симферополя 5 мая 1901 г. и этот факт (благодаря газете «Искра») стал известен далеко за пределами края.

К числу выделяемых нами особенностей крымской социал-демократии того времени следует отнести отсутствие на полуострове большевистских организаций. Разумеется, когда в июле 1903 г. на II съезде РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков, делегат Крымского союза М. Макадзюб примкнул к последним. Это явление серьезным образом не сказалось на работе местных организаций, так как, если их крымские лидеры тогда могли усвоить различия воззрений разделившихся частей, то масса рядовых членов, по высказыванию А.И. Иваницына, «была чужда раскола и совершенно не понимала и не хотела понимать его причин» [4]. Лишь в апреле 1906 г. образуется единственное в крае подразделение большевиков – Севастопольская военная организация. Считанные единицы приверженцев В. Ленина долгое время оставались в рядах с.-д. организаций и выделились в самостоятельные формирования лишь в конце 1917 г. Это не могло не сказаться на развитии политического процесса в Крыму.

Местные социал-демократы всегда ощущали острый недостаток в партийных работниках, грамотных пропагандистских кадрах. Только отчасти он восполнялся помощью прибывавших с разовыми поручениями партийцев из других регионов Юга России: Харькова, Екатеринослава, Одессы и др. Поэтому на полуострове чаще появлялись завозные революционные издания, а не местные. Наладить «производство» собственной агитационной продукции оказалось делом непосильным. Малочисленные и неумелые в организационном плане комитеты ни до, ни в ходе революции так и не смогли поднять волны стачечного движения на полуострове. В период складывания политического противостояния в начале 1905 г. митинги социал-демократов были единичными. Организованного протеста местным властям по поводу январских событий в столице не получилось.

Революционность крымских меньшевиков «подпитывалась» из центра: в феврале из агентурных источников жандармское управление получило сведения о том, что Крымский союз РСДРП организовал боевую дружину из 281 члена, на содержание и вооружение которой из Москвы поступило 15 тысяч рублей и несколько ящиков патронов. Возглавил «боевую бригаду революционеров» прибывший из Закавказья некто «Алим» (подпольная кличка). Видимо, своего претендента по уровню выполнения таких функций в Крыму не было. Вооруженное восстание намечалось на 9 января 1906 г. За два месяца до установок III съезда РСДРП(б) местные социал-демократы приступили к вооружению своих организаций. Утверждения советских историков о том, что меньшевики якобы сдерживали революционную борьбу трудящихся и препятствовали осуществлению ленинского курса на вооруженное восстание, надо признать несостоятельными [5]. Примечательна при этом развернувшаяся в губернском объединении социал-демократов полемика по вопросу участия в III большевистском съезде. Оставшись на позициях единства рядов с.-д. партии, Крымский союз направил делегатом к большевикам М.Аронова, но крымский посланец на съезд не явился, а участвовал в работе Женевской конференции меньшевиков. Это свидетельствует о слабой партийной дисциплине (в чем не преуспевали ленинцы) и неустойчивости политических убеждений тогдашних местных эсдеков.

Катившаяся из центральных регионов страны революционная волна вызывала этнополитическую напряженность на окраинах, одной из которых являлся и Крым. Проявлениям национальных распри социал-демократы противопоставляли пропаганду идеи пролетарского интернационализма. Листовка партии Поалей-Цион весной 1905 г. призывала сограждан: «У всех рабочих, у всех бедняков – евреи они или русские, армяне или татары – одно горе!.. **Против хозяев, заодно с вашими братьями** – рабочими других национальностей должны вы восстать (выделено нами – В.К.). Мы установим социалистической строй и не будет тогда ни горя, ни угнетения, ни нищеты, ни рабства» [6]. Крым всегда отличался национальной пестротой своего населения, занимая по этому показателю одно из первых мест в Российской империи. В условиях политической конфронтации это всегда остро давало о себе знать. Эта специфика региона как тогда, так и ныне определяет сложность работы социал-демократов. Ярким примером тому являются кровавые события 1905 г., когда после 17-18 октября крымчане, как и граждане всей страны, праздновали так называемый «День Свободы» (издание Николаем II манифеста о даровании народу гражданских свобод и созыве на этот раз законодательной Государственной Думы). В те дни политическое противостояние пе-

перосло в еврейские погромы и десятки еврейских социал-демократов Симферополя, Феодосии, Бердянска, Джанкое, Алешек, Карасубазара и др. мест трагически погибли от рук монархически настроенных сограждан.

Особенностью развития политического процесса в Крыму является и то, что здесь в 1905 г. произошли события, имевшие большой общественный резонанс не только в стране, но и за ее пределами. Это бунты на Черноморском флоте: в июне на эскадренном броненосце «Потемкин Таврический» и в ноябре – крейсере «Очаков». Какова же роль социал-демократов в этих трагических событиях? Изучив солидный документальный материал, мы пришли к выводу, что и в том, и в другом случае, они оказались сторонними наблюдателями, играя роль «подносчиков снарядов», пытаясь придать происходящему политическую окраску. Попутно скажем, что одними из первых попытались «превратить» бунт потемкинцев в «революционное мероприятие» зарубежная с.-д. печать, в том числе французская «Юманите» и большевистская «Искра». Известно, что предпринятые В. Лениным действия оказались тщетными. На броненосце была кучка флотских революционеров, формально принадлежавших к партиям с.-д. и с.-р. (по разным источникам от 10 до 40-50 моряков). Однако она практически не могла направить действия черноморцев в революционное русло, и лишь после этих событий левые партии использовали сам факт бунта в агитационно-пропагандистских целях. Справедливости скажем, что распространенные в деревнях многочисленные листовки РСДРП и партии эсеров с призывом встать на вооруженную борьбу с царизмом отклика среди крестьян не получили.

То же произошло и с бунтом очаковцев, который имел более трагические последствия. Действуя в купе с эсерами и долго полемизируя по вопросу руководства «революционными» действиями черноморцев, севастопольские социал-демократы проголосовали «за мирное течение дела». Подогревая всеобщее недовольство критической ситуацией в стране, они проявили активность лишь в организации митингов и собраний горожан и моряков, фактически самоустранившись от радикальных действий. Другие революционные организации также не взялись за проведение «революционного мероприятия» бунтовщиков. Поэтому по главе его оказалась случайная личность, не имевшая определенной партийной принадлежности и призванная матросов отказаться от политических требований – П.П. Шмидт. Оставшись без партийного руководства, «второй поход моряков в революцию» был обречен и не был поддержан акциями солидарности со стороны гражданского населения.

На откате революции, как и другие революционные партии, социал-демократы впали в угнетенное состояние из-за рухнувших надежд на ожидаемые от событий 1905–1907 гг. кардинальные изменения в государстве. Напротив усилились попятные действия власти в осуществлении либеральных реформ. Часть из крымских с.-д. пошла под прицел репрессий, другая – разочаровалась в революционной работе и откатилась от нее, третья – вместе с эсерами и анархистами подключилась к тактике индивидуального террора, размах которого на полуострове был шире, чем в других украинских губерниях. Но наиболее стойкие партийцы, используя полуполюгальное положение, отстаивали интересы крымчан в избирательных кампаниях 1906–1907 гг. На выборах в Государственную Думу крымские меньшевики в ряде мест добивались победы, даже не входя в блоки с эсерами и кадетами.

После революции в стане с.-д. наблюдалось дальнейшее размежевание сторонников крайне левых и приверженцев умеренных взглядов, вновь усилились идейные споры внутри крымской организации социал-демократов. Это отчетливо проявилось в дни подготовки V съезда РСДРП. Весной 1907 г. севастопольские ленинцы самоуверенно писали в свою центральную газету: «Теперь же, когда мы, большевики, организовались здесь и рабочая масса услышала, наконец, от с.-д. другие лозунги, дело принимает другой оборот. В настоящее время сознательные рабочие начинают воспринимать большевистские лозунги и взялись деятельно за перестройку организации в этом направлении... Сейчас у нас начинается съездовская кампания. Мы настаиваем на посылке от Севастополя отдельного представителя». Крымский союз от 491 своих членов делегировал на очередной партийный съезд меньшевика С.И. Бердичевского (Елкина), а в представительстве на нем севастопольским большевикам отказал [7].

Таким образом, создание и становление социал-демократических организаций в Крыму в начале прошлого столетия проходило в сложных условиях, определяемых не только внутривнутриполитическим положением в стране, но и спецификой крымского региона. Здесь появились и действовали как интернациональные по составу организации РСДРП, так и подотделы национальных с.-д. партий. Эти формирования были малочисленны и слабо организованы. Сказывалась острая нехватка подготовленных и энергичных кадров. При этом по сравнению с другими оппозиционными объединениями организации с.-д. пользовались заметным влиянием. Наибольшую активность проявляли партийцы еврейской национальности, которые первыми осознанно выступили против царского самовластия и первыми понесли жертвы в этой борьбе.

Малоопытность с.-д. организаций, отсутствие компетентного руководства и достаточной социальной базы (Крым все же не был промышленным регионом) стали причинами их неуверенности в практических действиях, неумении воплотить в жизнь некоторые установки партии, что убедительно показывают «революционные» события на Черноморском флоте. Видимо, превалировало неверие низовых организаций в то, что можно «раздуть революционный пожар» на местах, а затем из глубинки разнести его по всей империи. Поэтому после всплеска радикализма и экстремизма 1905 г. крымские с.-д. склонились к мирным средствам политической борьбы и в этом чаще достигали успеха.

Снижала «КПД» меньшевиков в Крыму предлагаемая из «центра» постоянная идейная борьба между двумя крыльями социал-демократии, что характерно для любого формирующегося политического организма. Главное, что зерна социал-демократии были удачно посеяны в крымскую почву и неслучайно, что сразу же после Февральской революции 1917 г. Крымский союз РСДРП быстрее других партий возродился и

стал одним из крупных объединений с.-д. на Украине [8].

Крым в политической истории Украины так и остался «эсеро-меньшевистским» краем.

Источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины (Далее – ЦГИА Украины). – Ф.419. – Оп. 1. – Д.3263. – Л.14–30; – Д. 3697. – Л. 143, 162–163; Государственный архив при Совете министров АРК (Далее – ГА АРК). – Ф. 26. – Оп. 3. – Д.200. – Л.3, 65, 67–68; – Ф.150. – Оп. 1. – Д.1. – Л.73; – Д.6. – Л.3; – Д. 9. – Л. 9–10, 48, 71 и др.
2. ГА АРК. – Ф.150. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 49; – Д. 23. – Л.37–38.
3. Об этом подробнее в кн.: В.И. Королёв. Возникновение политических партий в Таврической губернии. – Симферополь: Таврия, 1993.
4. ГА АРК. – Ф.150. – Оп. 1. – Д. 403. – Л.7.
5. ГА АРК. – Ф.26. – Оп. 3. – Д. 431. – Л.163.
6. Там же. – Д. 428. – Л.169.
7. Газета «Пролетарий». – 1907. – 25 марта.
8. См.: В.И. Королёв. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. – Симферополь: ИПП «Таврия», 2002. – С.66, 89.

Масаев М. В.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ХРИСТИАН ИЗ КРЫМА В 1778 Г. НА ФОНЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ

Актуальность выбранной темы заключается в том, что этнические процессы конца XVIII столетия, имевшие место в Крыму, были действительно во многом определяющими. И дело не только в изменении этнического облика полуострова, но также и в далеко идущих последствиях этих сложных и противоречивых процессов.

Следует отметить, что проблема переселения христиан из Крыма в 1778 году достаточно основательно проанализирована как исследователями Крыма XIX – начала XX столетия, так и в современный период. Не вдаваясь в историографию вопроса, заметим, что исследователи уделяли внимание главным образом процессу и ходу переселения, а подавляющее большинство работ главной причиной переселения отмечают стремление экономически подорвать Крымское ханство. Такая точка зрения представляется не совсем справедливой.

Поэтому *целью нашей работы* является главным образом по-новому, под другим углом зрения осветить поставленную проблему. Тем более что в такой постановке вопроса исследуемая проблема не освещалась. Для реализации поставленной цели необходимо выполнить *основную задачу*, связанную с анализом различных точек зрения по исследуемой проблеме.

“В историографии, освещающей присоединение Крыма к России, преобладает точка зрения о том, что основной причиной вывоза христиан в 1778 году была попытка подрыва экономики Крымского ханства, так как народы, исповедующие христианство, являлись носителями достаточно высокой культуры земледелия, ремесленного производства и торговли. Данная точка зрения имеет право на существование в качестве достаточно аргументированной версии: вывоз 30-тысячного населения с территории полуострова мог действительно серьёзно повлиять на экономическое развитие ханства и оказать влияние на процесс политического и экономического сближения Крыма с Россией.

Однако, если подсчитать экономические убытки, которые могли быть нанесены этим шагом Крымскому ханству, с затратами России по выводу и размещению христиан на территории Приазовья, то можно считать этот шаг либо необдуманным и ошибочным, либо существовали более глубокие причины этого события. Во-первых, затраты, понесённые Россией в процессе переселения, могли быть не меньшими, чем потери, которые понесла экономика ханства в результате вывоза христиан; во-вторых, в случае предстоящих военных действий в Крыму русская армия, в лице христиан, лишалась возможного союзника, способного поддержать её не только морально, но и материально; в-третьих, уход христиан с полуострова неминуемо приводил к усилению влияния ислама на население Крыма, что не соответствовало интересам православной России.

Вторая точка зрения связана с утверждениями о притеснениях христиан в Крыму со стороны ислама. Боясь расправы над христианским населением со стороны мусульман в ходе предстоящих военных действий между православной Россией и мусульманской Турцией, Россия была вынуждена организовать вывоз христиан на материк.

Однако, наряду с этими версиями, можно выдвинуть ещё одну версию. В случае присоединения Крыма к России (что являлось делом времени), особую роль на территории полуострова должна была играть русская православная церковь, которая после реформы Петра I фактически являлась одним из министерств Российской империи. Её деятельность на территории Крыма была бы очень ограничена, так как приходы Готской епархии, действовавшей на полуострове, находились в юрисдикции Константинопольского патриархата. В случае завоевания территории Крыма Россией вопрос о переходе Готской епархии под эгиду русского православия возник бы в первые же дни и мог бы привести к осложнениям между двумя крупнейшими церквями христианского мира, а также, в случае силового переподчинения епархии, к